

К 60-летию Санкт-Петербургского филиала Института истории науки и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук

Л. Я. ЖМУДЬ

ИЗУЧЕНИЕ АНТИЧНОЙ НАУКИ В ИИНиТе НА ФОНЕ 1930-х гг.

В статье рассматриваются исследования античной науки, проводившиеся в Институте истории науки и техники АН СССР в 1932–1936 гг. В эти годы здесь работали такие специалисты, как С. Я. Лурье, М. Е. Сергеенко, И. А. Боричевский, М. Я. Выгодский; с институтом также сотрудничали М. А. Шангин, С. В. Меликова-Толстая, О. А. Добиаш-Рождественская. Основное внимание в статье уделяется тому, насколько в научных публикациях этих ученых проявлялись идеологические и философские установки тех лет, политическая злоба дня, и как эти факторы влияли на результаты их исследований.

Ключевые слова: ИИНиТ, Академия наук, классическая филология, история античной науки, римские агрономы, греческая математика, античный атомизм, эпикуреизм, С. Я. Лурье, М. Е. Сергеенко, И. А. Боричевский, М. Я. Выгодский.

После успешного выступления советской делегации во главе с Н. И. Бухариным на II Международном конгрессе по истории науки в Лондоне (июнь 1931 г.) созданная академиком В. И. Вернадским Комиссия по истории знаний (КИЗ) была в 1932 г. преобразована в Институт истории науки и техники АН СССР (ИИНиТ АН СССР) под руководством Бухарина¹. Вернадский в создании и деятельности ИИНиТа участия не принимал² и в период его существования по истории науки ничего не публиковал. Заместителем Бухарина и ответственным редактором «Архива истории науки и техники» стал известный марксистский философ А. М. Деборин. Оба они были избраны в академию в ходе так называемого коммунистического набора в январе 1929 г. (Бухарин – с перевесом в один голос, Деборин – в результате перебаллотировки), оба к 1932 г. были в немилости у Сталина. Бухарин за несогласие с курсом коллективизации в апреле 1929 г. был выведен из состава Политбюро ЦК ВКП(б). Деборин после включения Сталина в философскую дискуссию о «борьбе на два фронта» «против механицизма и меньшевистствующего идеализма» (декабрь 1930 г.) был смещен с постов директора Института философии

¹ Кирсанов В. С. Возвратиться к истокам? (заметки об Институте истории науки и техники АН СССР, 1932–1938 гг.) // ВИЕТ. 1994. № 1. С. 3–19; Дмитриев А. Н. Институт истории науки и техники в 1932–1936 гг. (ленинградский период) // ВИЕТ. 2002. № 1. С. 3–41.

² Дмитриев. Институт истории науки и техники... С. 9.

Коммунистической академии и главного редактора журнала «Под знаменем марксизма».

В начале 1930-х гг. инициативу в деле партийной интерпретации того, что есть наука, перехватили новые личности. Одна из них – выпускник Пражского университета Эрнест Кольман (1892–1979), ставший видным идеологом сталинизма. В 1929–1931 гг. Кольман – помощник заведующего Агитпропом ЦК ВКП(б), следивший «за идеологическими проблемами естественных наук и техники, за работой соответствующих институтов и обществ»³. Позже он возглавил журнал «За марксистско-ленинское естествознание» (1931–1933), Ассоциацию институтов естествознания Коммунистической академии (1931–1932), Институт красной профессуры философии и естествознания (1932) и стал ученым секретарем Коммунистической академии. В 1936 г., заведую отделом науки Московского горкома, он был организатором травли академика Н. Н. Лузина⁴. В 1950-е гг. извилистая линия судьбы привела его в Институт истории естествознания и техники, где он написал компилятивную историю античной математики⁵.

Если Деборин и его сторонники, «диалектики», в течение 1920-х гг. выступали за подчинение естествознания диалектическому материализму, то в 1930 г. приверженцы «борьбы на два фронта» М. Б. Митин и П. Ф. Юдин, опираясь на поддержку ЦК, ратовали за «партийность» философии, что фактически означало ее политизацию с разоблачительным уклоном. Активно поддержав эту линию, Кольман одним из первых стал методически проводить тезис о партийности *любой* науки, включая математику:

Теперь [после окончания философской дискуссии] для всех ясно, что все попытки какой-либо теории, какой-либо научной дисциплины представить себя как автономную, самостоятельную научную дисциплину объективно означают противопоставление генеральной линии партии, противопоставление диктатуре пролетариата [...] У нас не только философия, не только история, не только политэкономия суть партийные науки, но и не может быть никакой беспартийности, никакой аполитичности и в естествознании, и в математике⁶.

Откликаясь статьей «Вредительство в науке» на показательный процесс над «инженерами-вредителями» из изобретенной в ГПУ «Промпартии» (декабрь 1930 г.), Кольман доказывал, что промышленное вредительство, взрывы и поджоги – это лишь надводная часть, вредители есть в любой науке, сколь бы абстрактной она ни была. Всякая наука партийна, поэтому

³ Кольман Э. Я. Мы не должны были так жить. Нью-Йорк, 1982. С. 161.

⁴ Юшкевич А. П. «Дело» академика Н. Н. Лузина // Репрессированная наука / Ред. М. Г. Ярошевский. Л., 1991. С. 377–394; Дело академика Николая Николаевича Лузина / Ред. С. С. Демидов, Б. В. Левшин. СПб., 1999.

⁵ Кольман Э. Я. История математики в древности. М., 1961.

⁶ Кольман Э. Я. Политика, экономика и математика (доклад на заседании Общества математиков материалистов-диалектиков от 29 ноября 1930) // На борьбу за материалистическую диалектику в математике / Ред. Э. Я. Кольман. М., 1931. С. 53.

подмена большевистской политики в науке, подмена борьбы за партийность науки либерализмом тем более преступна, что носителями реакционных теорий являются маститые профессора, как махист Френкель в физике, виталисты Гурвич и Берг в биологии, что Савич в психологии, Кольцов в евгенике, Вернадский в геологии, Егоров и Богомолов в математике «выводят» каждый из своей науки реакционнейшие социальные теории ⁷.

Мартемьян Рютин, известный оппозиционер, выступавший с критикой сталинского курса, в 1932 г. отмечал:

В настоящее время на теоретическом фронте подвизается всё, что есть в партии самого недобросовестного, бесчестного. Здесь работает настоящая шайка карьеристов и блюдолизов (Митин, Юдин, Ральцевич, Кольман и пр.), которые в теоретическом услужении Сталину показали себя подлинными проститутками ⁸.

Другой важный идеолог, заведующий кафедрой истории и философии естествознания МГУ и заместитель Кольмана в Институте красной профессуры, с 1934 г. – член-корреспондент АН СССР А. А. Максимов (1891–1976), вел беспощадную борьбу против квантовой механики, теории относительности, теории расширяющейся Вселенной и их «популяризаторов», в числе которых были журнал «Успехи физических наук» («рассадник идеализма в физике») и множество выдающихся отечественных физиков – А. Ф. Иоффе, С. И. Вавилов, В. А. Фок, Я. И. Френкель, И. Е. Тамм и др. Позже Максимов и Кольман на страницах редактируемого ими журнала «Под знаменем марксизма» нападали на физиков за «отказ от закона сохранения энергии» ⁹.

Параллельно идеологическому наступлению на науку шла насильственная советизация Академии наук. Вслед за коммунистическим набором в академию в 1929 г. последовала ее чистка правительственной комиссией Ю. П. Фигатнера, в результате которой из академических учреждений Ленинграда были уволены около 650 сотрудников (штатных и сверхштатных), а по возникшему в ходе этой чистки «делу Академии наук» в 1929–1930 гг. арестовано более ста человек. В 1930 г. неопределенного секретаря академии С. Ф. Ольденбурга на должности сменил историк-коммунист В. П. Волгин, ранее успешно советизировавший МГУ; за месяц до этого он был избран сразу в академики, имея 11 ученых трудов ¹⁰.

⁷ Кольман Э. Я. Вредительство в науке // *Большевик*. 1931. № 2. С. 78.

⁸ Рютин М. Н. На колени не встану / Сост. Б. А. Старков. М., 1992. С. 217.

⁹ «Физики Гамов, Бронштейн, Френкель, Тамм и др. и примыкающие к ним акад. Иоффе и С. И. Вавилов неустанно повторяли философские измышления философов-идеалистов и физиков-идеалистов о том, что закон сохранения и превращения энергии «устарел», что возможно творение энергии из ничего и превращение ее в ничто» (Максимов А. А. О философских воззрениях акад. В. Ф. Миткевича и о путях развития советской физики // *Под знаменем марксизма*. 1937. № 7. С. 48). О Максимове см.: Горелик Г. Е. Три марксизма в советской физике 30-х годов // *Природа*. 1993. № 5. С. 86–94.

¹⁰ Гладышев А. В. Историк – руководящий: В. П. Волгин // *Историк и власть: советские историки сталинской эпохи*. Саратов, 2006. С. 136–198.

В этой тяжелой обстановке можно было ожидать, что новый академический институт и его печатный орган, возглавляемые академиками-коммунистами, будут двигаться в русле официальной политики партии, тем более что Бухарину и Деборину нужно было реабилитироваться в глазах Сталина. Эти ожидания оправдываются лишь частично. «Социально чуждых элементов» в институт действительно не брали, но борьба за «партийность науки» и сопутствующие ей разоблачения остались за пределами «Архива»; за буржуазность и идеализм в нем охотно критиковали западных ученых, недоступных ГПУ. Ни Бухарин, ни Деборин в «Архиве» не печатались, «установочных» статей в нем также не было, кроме, пожалуй, краткого текста «От редакции» в первом томе. В нем говорилось, что

история науки и техники, изучаемая при помощи марксистско-ленинского метода, должна раскрыть перед нами закономерности развития этих областей человеческой деятельности в связи с закономерным развитием социально-экономических формаций ¹¹.

После дежурных фраз о кризисе буржуазного мира и невиданном расцвете науки и техники в СССР автор касается и трудностей, стоящих перед институтом, – и здесь его тон меняется. Оказывается, что из-за почти «полного отсутствия удачных марксистских работ» в истории науки и техники статьи, публикуемые в «Архиве», полны «хорошо известных институту недостатков», что «методологический уровень многих работ весьма невысок», что «материал часто не поставлен в надлежащие связи, а выводы, делаемые из него, часто либо вообще отсутствуют, либо недостаточны» ¹². Похоже руководство знало что можно было ожидать от сотрудников, и такой заниженной самооценкой хотело заранее обезопасить себя от возможной идеологической критики.

Действительно, за недостатком специалистов новой формации выполнять новые задачи в области истории науки было поручено в основном ученым старой выучки. Кадры для института подбирал, а в значительной мере и руководил им ученик И. М. Гревса и Н. И. Кареева медиевист М. А. Гуковский ¹³, организаторские способности и идеологическая гибкость которого позволили ему стать ученым секретарем сначала Библиотеки Академии наук, затем Комиссии по истории знаний (уже при Бухарине) и, наконец, ИИНиТа. Лишь двое из научных сотрудников были членами ВКП(б) ¹⁴, марксистов, впрочем, было существенно больше. Бухарин многое перенял из универсалистской программы Вернадского по изучению истории науки и техники, приспособив ее к своему пониманию целей и задач науки в СССР. Его призыв сконцент-

¹¹ От редакции // Архив истории науки и техники. 1933. № 1. С. V–VII.

¹² Там же. С. VII.

¹³ *Кирсанов*. Возвратиться к истокам?.. С. 9; *Дмитриев*. Институт истории науки и техники...

¹⁴ См.: *Кирсанов*. Возвратиться к истокам?.. С. 15. Такая же ситуация была и в Институте Маркса и Энгельса, где большинство научных сотрудников были беспартийными: *Мосолов В. Г.* ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии. Из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 1921–1956. М., 2010.

риваться на науке эпохи промышленного капитализма¹⁵ не стал, однако, руководством к действию в созданном им институте. Как это часто бывало в советское время, ученые, несмотря на давление сверху, занимались тем, что знали и умели. Да и сам Бухарин, видимо, не настаивал на своей идее, иначе в небольшом штате института не оказались бы сразу четыре научных сотрудника, занимавшихся античностью. Каждый номер «Архива» содержал несколько публикаций по античной тематике, причем со временем их число росло, так что, например, в седьмом томе их было шесть (три статьи и три рецензии), в восьмом – пять (статья и четыре больших рецензии), а в девятом, последнем из вышедших, снова шесть (три статьи и три рецензии), плюс еще одна статья о сирийских алхимических рукописях.

Познакомимся поближе с их авторами. Мария Ефимовна Сергеев娜 (1891–1987) получила историко-филологическое образование на Бестужевских курсах (1910–1916) у лучших профессоров того времени – Гревса, М. И. Ростовцева и Ф. Ф. Зелинского¹⁶. Осенью 1917 г. она уехала в Саратов, где преподавала в университете древние языки, а после их отмены – античную литературу. Здесь судьба свела ее с Н. И. Вавиловым, которому она в 1922 г. начала давать частные уроки латыни, а затем читала с ним тексты римских агрономов¹⁷. Вавилов и предложил ей заняться изучением и переводом на русский этих текстов: «“Латинские уроки” на долгие годы определили мои занятия итальянским сельским хозяйством и латинскими писателями, о нем писавшими»¹⁸. Облегчались эти занятия тем, что Мария Ефимовна выросла в черниговском поместье своего отца и знала о сельском хозяйстве не только из книг. После возвращения в Ленинград в 1929 г. она работала в Публичной библиотеке, а в 1932 г. была принята в ИИНиТ ученым секретарем секции агрикультуры; руководил секцией сам Вавилов (на общественных началах). К этому времени у нее уже была готова книга переводов латинских текстов по сельскому хозяйству, вышедшая через пять лет¹⁹.

Иван Адамович Боричевский (1892–1941) окончил в 1915 г. историко-филологический факультет Петроградского университета; в годы учебы был близок к РСДРП. В 1918–1920 гг. он по заданию Коммунистической академии находился за границей, в 1921 г. стал профессором Петроградского университета, в 1922–1925 гг. занимал кафедру истории философии; с 1930 г. преподавал атеизм в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (ЛИИФЛИ)²⁰. В начале 1920-х гг. Боричевский, в духе тех лет не очень стесняясь в выражениях, критиковал русских религиозных философов

¹⁵ Комиссия по истории знаний (1921–1932) / Ред. В. М. Орел, Г. И. Смагина. М., 2003. С. 412.

¹⁶ Гаврилов А. К., Казанский Н. Н. К 100-летию М. Е. Сергеев娜 // Вспомогательные исторические дисциплины. 1994. Вып. 24. С. 316–328.

¹⁷ Сергеев娜 М. Е. Воспоминания // Три встречи [Сб.]. М., 1997. С. 148 сл.

¹⁸ Там же. С. 150.

¹⁹ О сельском хозяйстве. Катон, Варрон, Колумелла, Плиний / Пер. М. Е. Сергеев娜, под ред. и с вступ. ст. М. И. Бурского. М.; Л., 1937.

²⁰ Кирсанов. Возвратиться к истокам?.. С. 18–19.

и социолога П. А. Сорокина²¹, бранил Платона²², Канта, знаменитого историка античной философии Э. Целлера («фабрикант легенд»), ставил под сомнение историю философии как таковую («бездарная клевета») и находил ошибки даже у Энгельса²³. Неортодоксальный марксист и позитивист, в философии он был оппонентом «диалектика» Деборина, отстаивая ту точку зрения, что наука сама себе философия²⁴. Боричевский написал несколько полемических и весьма поверхностных книг о «философии науки», которую он понимал как положительное знание, взятое в его целом²⁵, и о школе Эпикура, которого он решительно предпочитал «нечленораздельному бреду божественной метафизики Платонов и Аристотелей»²⁶. Он первым предложил термины «науковедение» и «социология науки»²⁷, но всерьез не занимался ни тем, ни другим.

В годы работы в институте Боричевский продолжал свои занятия атомизмом Эпикура, тогда как его более знаменитый коллега Соломон Яковлевич Лурье (1891–1964) исследовал атомизм Демокрита. Лурье был филологом-классиком, выпускником того же факультета, что и Боричевский, учителями его были С. И. Жебелев и И. И. Толстой (в будущем академики). Оставленный в 1913 г. в университете для подготовки к профессорскому званию (ради чего ему пришлось креститься), Лурье после революции преподавал в *alma mater*, а одно время математику в техникуме. Историей античной науки он увлекся в конце 1920-х гг. и на всю жизнь, став самым крупным российским авторитетом в этой области, в том числе и на Западе. Лурье были доступны все стороны античной цивилизации и многие темы за ее пределами; в «Архиве»

²¹ *Боричевский И. А.* Несколько слов о так называемой «русской философии» (к изгнанию метафизики из советской школы) // Книга и революция. 1922. № 3. С. 31–32; *Боричевский И. А.* Догматическое богословие под покровом философии // Книга и революция 1922. № 3. С. 33–36; *Боричевский И. А.* Ортодоксальный марксизм и российско-американская резиновая философия // Книга и революция 1922. № 4. С. 18–21; *Боричевский И. А.* Российская метафизика в походе против науки // Книга и революция. 1922. № 6. С. 1–9. Эти публикации были частью кампании, которая была инициирована статьей Ленина «О значении воинствующего материализма» и закончилась «философским пароходом». См.: *Коган Л. А.* «Выслать за границу безжалостно» (новое об изгнании духовной элиты) // Вопросы философии. 1993. № 9. С. 61–84.

²² «Научный кругозор Платона ничтожен», «решительная неспособность к последовательному научно-логическому мышлению», «куча полухудожественной, полуметафизической лжи» (*Боричевский И. А.* У древнейших истоков идеалистической легенды о Платоне // Книга и революция. 1922. № 9–10. С. 9–10).

²³ *Боричевский И. А.* Существует ли история философии как наука? (идеалистическая легенда о древней философии) // Записки Научного общества марксистов. 1922. № 2. С. 149.

²⁴ *Боричевский.* Российская метафизика... С. 1. Хотя мысль эта принадлежит О. Контю, Боричевский был не только позитивистом, но и марксистом: в начале 1920-х гг. многие марксисты считали, что Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» также отрицал самостоятельное значение философии. См.: *Спокойный Л. Ф.* Задачи философии и ее отношение к частным наукам // Записки научного общества марксистов. 1927. № 8. С. 147.

²⁵ *Боричевский И. А.* Введение в философию науки. Пг., 1922.

²⁶ *Боричевский И. А.* Древняя и современная философия науки в ее предельных понятиях. Ч. 1. Первоисточники древней философии науки (научные письма Эпикура). М.; Л., 1925. С. 90.

²⁷ *Боричевский И. А.* Науковедение как точная наука // Вестник знания. 1926. № 12. С. 777–786.

он публиковался по очень широкому кругу проблем – от математики древнего Вавилона до творчества Эйлера и Карно.

Почти столь же разносторонен был и Марк Яковлевич Выгодский (1898–1965), видный математик и историк науки, полиглот, один из основателей советской школы истории математики. В годы гражданской войны Выгодский был подпольщиком, вступил в партию, в 1923 г. окончил физмат МГУ, в 1920-е гг. преподавал математику в Коммунистическом университете и Институте красной профессуры. В 1926 г., поступив в аспирантуру, он опубликовал свою первую статью по истории науки «Платон как математик»²⁸, близкую по взглядам (но не по стилю) к статье Боричевского²⁹. Доклад Выгодского на I Всесоюзном съезде математиков (1930) «Проблемы истории математики с точки зрения методологии марксизма» также был основан на античном материале³⁰. В 1931–1932 гг. он был директором НИИ математики и механики МГУ, а в 1932–1933 гг. – главным редактором Государственного технико-теоретического издательства, где инициировал издание множества переводов классиков науки и истории науки³¹. Выгодский был давно знаком с Лурье, который обучал его греческому и учился у него, в свою очередь, математике. В годы службы в институте (1933–1936) Выгодский работал над историей греческой геометрии, писал книгу о процессе над Галилеем и исследовал древневосточную математику³².

Нетрудно заметить, что каждый из наших героев пришел в ИИНиТ со своей сложившейся проблематикой, продолжая самостоятельно начатые исследования. Институт же предоставил им возможность вести свою (хорошо оплачиваемую) работу в рамках профессионального историко-научного сообщества, издаваться, заказывать за границей новые книги и т. д.³³ Боричевский остался верен Эпикуру, исключением была его статья «Ньютон и д'Аламбер» для первого тома «Архива»³⁴. Для Сергеенко единственным, пожалуй, отвлечением от римского сельского хозяйства был перевод «Античной техники» Г. Дильса³⁵, открывший серию переводов ИИНиТа: история техники была приоритетной тематикой³⁶. Изданная Лурье в 1935 г. монография о теории

²⁸ *Выгодский М. Я.* Платон как математик // Вестник Коммунистической академии. 1926. № 16. С. 192–215.

²⁹ *Боричевский.* У древнейших истоков идеалистической легенды о Платоне...

³⁰ *Выгодский М. Я.* Проблемы истории математики с точки зрения методологии марксизма // Под знаменем марксизма. 1931. № 2–3. С. 32–48.

³¹ Сам Выгодский участвовал в изданиях Кеплера, Монжа, историка математики Г. Цейтена, Клейна, Эйлера и Евклида.

³² *Выгодский М. Я.* Галилей и инквизиция. Ч. 1. Запрет пифагорейского учения. М.; Л., 1934; *Выгодский М. Я.* Арифметика и алгебра в Древнем мире. М., 1941 (2-е изд., 1967).

³³ От 10 до 20 % иностранных книг, поступавших в библиотеку института, были посвящены античной тематике.

³⁴ *Боричевский И. А.* Ньютон и д'Аламбер. Борьба за основы физики в XVIII в. // Архив истории науки и техники. 1933. № 1. С. 70–90.

³⁵ *Дильс Г.* Античная техника / Пер. и прим. М. Е. Сергеенко, П. П. Забаринского, под ред. и с предисл. С. И. Ковалева. М.; Л., 1934.

³⁶ Интересно, что в предисловии к «Античной технике» Дильса ее редактор С. И. Ковалев (сотрудник ГАИМК) утверждал, что она не имеет никакого отношения к технической базе рабовладельческого общества, а посвящена разным *кунишкам!* (*Дильс.* Античная техника... С. 7–8).

бесконечно малых у атомистов была расширенной переработкой его немецкой статьи 1932 г.³⁷ Диапазон исследований Лурье был чрезвычайно широк, однако они следовали своей внутренней логике, а не спускаемым сверху планам³⁸. Даже статьи о Кавальери и Эйлере и появившиеся позже переводы их трудов были частью исследовательской программы Лурье по поиску самых отдаленных следов влияния атомистической математики³⁹. Выгодский еще с середины 1920-х гг. пытался толковать греческую геометрию с позиций исторического материализма, а о результатах своих исследований Галилея он докладывал в институте весной 1933 г.⁴⁰

Обращаясь к публикациям по античной науке в «Архиве», – как сотрудников института, так и других авторов, – попытаемся проследить, насколько ощутимы в них идеологические и философские установки тех лет, политическая злоба дня, словом, все то, что, казалось бы, неизбежно должно было проникать в работы 1930-х гг., – ведь именно этого требовала от науки тогдашняя власть⁴¹. Вполне естественно, что у каждого автора был свой особый стиль и свои представления о научности и ее соотношении с марксистской философией и идеологией. Самой бескомпромиссной была, пожалуй, позиция Сергеенко. Она писала так, как будто для нее не существовало Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина, диалектического и исторического материализма, не было советских и буржуазных ученых, почти не было современности, а были только Катон, Варрон и Колумелла и передаваемые ими реалии сельского хозяйства Рима. Подобно своим учителям Мария Ефимовна стремилась воссоздать историческую картину сельскохозяйственной практики на основе детального анализа латинского текста и увлечь ею своего читателя. Ее статья в первом томе «Архива» начинается так:

³⁷ Luria S. Die Infinitesimaltheorie der antiken Atomisten // Quellen und Studien zur Geschichte der Mathematik. 1932. Bd. 2. S. 106–185; Лурье С. Я. Теория бесконечно малых у древних атомистов. М.; Л., 1935.

³⁸ В 1931 г. непреходящий секретарь АН Волгин сетовал на то, что планы академических институтов представляют собой арифметическую сумму заявок отдельных научных работников – «несмотря на нашу упорную борьбу с таким явлением!» Борьбу в академии за принципы планирования Волгин считал «своеобразным отражением классовой борьбы» (Волгин В. П. Перспективные планы Академии наук СССР // Планирование науки и задачи Комкадемии и Академии наук. М., 1931. С. 4, 8).

³⁹ Лурье С. Я. Эйлер и его «Исчисление нулей» // Леонард Эйлер (1707–1783). Сб. статей и материалов к 150-летию со дня смерти. М.; Л., 1935. С. 51–79; Лурье С. Я. Неопубликованная научная переписка Леонарда Эйлера // Там же. С. 111–162; Эйлер Л. Введение в анализ бесконечно малых. Т. 1 / Пер. с лат. Е. Л. Пацановского, ред., вступ. ст. и прим. С. Я. Лурье. М.; Л., 1936; Лурье С. Я. Мнимый «порочный круг» у Кавальери // Архив истории науки и техники. 1934. № 5. С. 491–497; Кавальери Б. Геометрия, изложенная новым способом при помощи неделимых непрерывного / Пер. и вступ. стат. С. Я. Лурье. М.; Л., 1940.

⁴⁰ Лисютин А. Работы физико-математической секции ИИНИТ // Архив истории науки и техники. 1934. № 2. С. 343–345.

⁴¹ Некоторые напечатанные в «Архиве» работы этим требованиям вполне отвечали. Так, доклад академика-коммуниста И. М. Губкина на сессии АН в 1932 г. начинался с ураганов и бурь пролетарской революции, руководимой Лениным, и заканчивался светлым будущим, путь к которому нам указывает ЦК во главе с т. Сталиным, верным учеником Ленина: Губкин И. М. Достижения геолого-разведочных работ за 15 лет // Архив истории науки и техники. 1934. № 2. С. 1–44.

В античном мире мало уголков, которые были бы освещены так скудно, как история овощей [...] Когда историческая наука заинтересовалась экономикой [...] огород и тут остался в тени ⁴².

Озаглавленная «Предтечи прикладной ботаники в античном мире», статья посвящена на самом деле огурцу, и в каких подробностях! Огурец в эпоху республики и империи, огурец при дворе, огурец в комедии и прозе, его сорта и способы произрастания, отношение к огурцу различных писателей – словом, мы узнаем все, что только можно знать о «жизни огурца в итальянском огороде» ⁴³. Перед нами, однако, не заметка антикара, а краткое, но исчерпывающее историческое исследование знатока ботаники и сельского хозяйства. Единственная упоминаемая в нем современная работа – это заметка «Мухранские огурцы» из журнала «Прогрессивное садоводство и огородничество» за 1914 г. Заканчивает Сергеев выводом, в котором можно усмотреть скрытую иронию: по своему «социальному положению» огурец у нас – демократический овощ, а в Риме он свой в привилегированных слоях, при императорском дворе, и редко спускается вниз ⁴⁴. За две тысячи лет произошла, таким образом, демократизация огурца!

Из четырех статей Сергеева, опубликованных в «Архиве» ⁴⁵, самое сильное впечатление производит статья об удобрениях ⁴⁶. Ее можно назвать ученой поэмой о навозе, с таким воодушевлением и блестящим знанием предмета повествует о нем Мария Ефимовна. Теория удобрения, его практическое значение, навоз и его классификация, хранение навоза, подстилка, компост, унавоживание поля и его сроки, зеленое удобрение – каждый раздел статьи содержит массу материала, оценить который по достоинству выпускница Бестужевских курсов могла, лишь опираясь на свой опыт жизни в деревне. Из современных работ она ссылается только на «Учение об удобрении» Д. Н. Прянишникова, остальные авторы нам уже знакомы: «Навозная куча составляет неотъемлемую часть итальянской усадьбы: ни Катон, ни Варрон, ни Колумелла не мыслят без нее виллы» ⁴⁷.

Рассматривая эволюцию римского сельского хозяйства сквозь призму применения навоза, она и латинских писателей иногда оценивает с точки зрения полноты их сведений об этом предмете:

Над вопросами удобрения задумался даже Варрон – обычно сельскохозяйственные темы не имели власти будить его ум – и выступил с собственной точкой зрения на различные виды птичьего помета ⁴⁸.

⁴² Сергеев М. Е. Предтечи прикладной ботаники в античном мире // Архив истории науки и техники. 1933. № 1. С. 103.

⁴³ Там же. С. 111.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ 10–11 тома «Архива», собранные, но не вышедшие, содержали ее статьи: «Катон и итальянское сельское хозяйство» и «Жатва в древней Италии» (Дмитриев. Институт истории науки и техники... С. 37–38).

⁴⁶ Сергеев М. Е. Удобрение хлебных полей в древней Италии // Архив истории науки и техники. 1934. № 4. С. 123–147.

⁴⁷ Там же. С. 127.

⁴⁸ Там же. С. 132.

Тысячи мелких фактов и деталей собраны воедино, проанализированы с исторической точки зрения и оценены с позиций современной агрохимии – Сергеенко блестяще демонстрирует, что классическая филология есть наука обо всех без исключения аспектах античного мира. Впрочем, далеко не всякий филолог-классик смог бы так профессионально подсчитать доходность описанного Катонем оливкового сада в 240 югеров, как это делала Сергеенко⁴⁹.

Рецензируя французскую книгу о римском сельском хозяйстве в связи с «Георгиками» Вергилия, Сергеенко указывает на два ее главных недостатка: отсутствие исторической перспективы и учета той социальной среды, в которой писал Вергилий⁵⁰. В отличие от многих своих коллег она не спешила объяснять эти недостатки тем, что буржуазному автору осталась недоступной марксистская теория, которая только и способна объяснять факты⁵¹. Критика Сергеенко была чисто профессиональной – ведь ее собственные труды как раз и давали социально-экономический анализ развития римского сельского хозяйства и его агротехнических приемов⁵². Это был именно тот анализ, в отсутствии которого марксистские историки математики, например, Выгодский, упрекали историков «буржуазных» и который сами они, несмотря на все свои старания, не в состоянии были дать, ибо, в отличие от сельского хозяйства и агрономии, математика и естествознание не могут *содержательно* рассматриваться в экономических и тем более в классовых категориях. В своей области Марии Ефимовне, ученице крупнейшего исследователя римской экономики Ростовцева, не было, разумеется, никакой нужды обращаться за советом к Маркусу и марксистам.

В связи с Сергеенко следует упомянуть ее бывшую преподавательницу на Бестужевских курсах и коллегу по Саратовскому университету Софью Венедиктовну Меликову-Толстую (1885–1942), жену И. И. Толстого. Она училась у тех же учителей, что и Сергеенко, год стажировалась в Берлине у знаменитых филологов-классиков Дильса и У. фон Виламовица-Мёллендорфа. В начале 1930-х гг. Софья Венедиктовна работала старшим, а затем главным библиотекарем Библиотеки Академии наук (БАН), одновременно занимаясь научной работой. Ее статья «Теория зрения у Горгия», напечатанная в седьмом томе «Архива», подчеркнута научна, причем научна именно

⁴⁹ Сергеенко М. Е. К истории оливкового хозяйства в древней Италии // Архив истории науки и техники. 1935. № 7. С. 337–338.

⁵⁰ Сергеенко М. Е. (рец.) Billiard R. L'agriculture dans l'antiquité d'après les Géorgiques de Virgile. Paris 1928 // Архив истории науки и техники. 1934. № 4. С. 452–454.

⁵¹ Гуковский, рецензируя «Технику Античности и Средневековья» Ф. Фельдгауза, перевод которой на русский, кстати, входил в план работы КИЗ на 1931–1932 гг., составленный им самим (Комиссия по истории знаний... С. 415), отмечал: «Читать книгу Фельдгауза совершенно невозможно [...] При ином расположении [материала], он мог бы дать исключительно ценный труд, но для этого нужно было овладение хотя бы какой-нибудь твердой методологией, а ее-то у автора, типичнейшего представителя современной германской технической интеллигенции, потерявшей почву под ногами под неумолимыми ударами кризиса, – и нет» (Гуковский М. А. (рец.) Feldhaus F. Die Technik der Antike und des Mittelalters. Potsdam, 1931 // Архив истории науки и техники. 1933. № 1. С. 217–218).

⁵² См. особенно: Сергеенко. К истории оливкового хозяйства...; Сергеенко М. Е. Агротехнический совет в римской сельскохозяйственной литературе // Архив истории науки и техники. 1935. № 9. С. 315–328.

по-немецки: ссылок на русские работы нет (в силу отсутствия таковых), только на немецкие и одну английскую⁵³. Охотнее всего Меликова-Толстая цитирует Дильса и Виламовица, которые, видимо, и ввели ее в эту проблематику⁵⁴. обстоятельный филологический анализ, множество греческих цитат, которые в то время еще можно было печатать в относительно неискаженном виде⁵⁵, – такая статья вполне могла выйти в *Hermes* или *Philologische Wochenschrift*, где выходили другие заметки Софьи Венедиктовны о Горгии⁵⁶. Никаких реверансов в сторону философов-материалистов в ней нет, а основным источником теории софиста Горгия служит Платон, философ в тогдашней России в высшей степени подозрительный⁵⁷. Читая Меликову-Толстую, можно еще раз убедиться: каждый допущенный к публикации в «Архиве» автор печатал свои материалы в том виде, в каком считал нужным. В ситуации, когда внутренний цензор оказывался важнее внешнего, выбор научной, а тем самым и общественной позиции зависел от самого ученого. В этом смысле картина гуманитарной науки первой половины 1930-х гг. была сложнее, чем мы это обычно себе представляем. Многие факты говорят против того, что

самоаттестация своих трудов в качестве марксистских была в первой половине 1930-х гг. непременным условием сколько-нибудь самостоятельной работы в области историографии⁵⁸.

Если бы не закрытие института, ценная статья Меликовой-Толстой из истории греческой научной мысли⁵⁹ была бы, безусловно, опубликована в «Архиве», для которого она, скорее всего, и предназначалась. Написанное в обычном для автора строго научном стиле, характеризующееся блестящим знанием предмета и современной научной литературы, это исследование того, как естественно-научная терминология проникает в другие сферы знания, могло бы и сейчас украсить любой журнал по классической филологии или античной философии.

Упомянем еще одну связанную с античностью книгу, работа над которой велась по плану ИИНиТа. Талантливый филолог-классик, византист и палеограф Мстислав Антониевич Шангин (1896–1942) во второй половине 1920-х гг. преподавал греческую палеографию в ЛГУ и работал в отделе рукописей

⁵³ Меликова-Толстая С. В. Теория зрения у Горгия // Архив истории науки и техники. 1935. № 7. С. 367–374.

⁵⁴ Микиртумов И. Б. Библиография С. В. Меликовой-Толстой // Древний мир и мы. СПб., 1997. Вып. 1. С. 151–154.

⁵⁵ К этому тому приложен список 22 печаток в греческом, 4 из которых относились к статье Меликовой-Толстой, а остальные – к большой статье: Лурье С. Я. Механика Демокрита // Архив истории науки и техники. 1935. № 7. С. 129–180.

⁵⁶ Melikoff-Tolstoj, S. Zu Gorgias' Palamedes // Hermes. 1929. Bd. 64. S. 389–390.

⁵⁷ Начатое в 1922 г. по инициативе Петербургского философского общества собрание его сочинений под редакцией С. И. Жебелева, Л. П. Карсавина и Э. Л. Радлова было прервано в 1929 г. и доведено до конца лишь в 1970-х гг. Карсавин был выслан в 1922 г., Радлов был лишен права преподавания в 1923 г., тогда же было закрыто и само общество.

⁵⁸ Дмитриев. Институт истории науки и техники... С. 17.

⁵⁹ Меликова-Толстая С. В. Из истории греческой научной мысли и научной терминологии // Памяти академика Н. Я. Марра. М.; Л., 1938. С. 387–408.

БАН, много занимаясь хранящимися в Ленинграде греческими и латинскими астрологическими рукописями⁶⁰. Его работу поддерживала КИЗ академика Вернадского⁶¹. Осужденный в 1930 г. по «академическому делу» на 10 лет, Шангин был освобожден в 1932 г. и продолжил свою работу⁶². В рамках международного издания *Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum* (1898–1953), душой которого был известный исследователь греческой религии и астрологии Франц Кюмон, в 1936 г. вышел двенадцатый том, подготовленный Шангиным по поручению ИИНиТа. В нем дано описание 50 хранившихся в архивах Москвы, Ленинграда, Киева и Нежина астрологических рукописей и изданы наиболее интересные в научном отношении фрагменты⁶³. На титульном листе издание значилось: *Adiuvante Instituto historiae scientiarum et artium technicarum Academiae scientiarum URSS*, а в латинском предисловии Шангин благодарил академиков И. Ю. Крачковского и Вернадского за поддержку своего предприятия в КИЗ, а затем в ИИНиТе⁶⁴. Положительную рецензию на этот том написал не кто иной, как Джордж Сартон⁶⁵; более поздний рецензент всей серии отмечал, что «XII том *СААГ* по научному уровню не уступает своим предшественникам», издателями которых были ведущие европейские филологи⁶⁶. Издание своего каталога Шангин предварил рецензией в «Архиве» на весь корпус астрологических текстов, объяснив их значение для истории науки и культуры в целом. «Изданием XII тома Институт истории науки и техники вступает в ряды участников одной из главных международных научных публикаций по истории знаний»⁶⁷, – заключал он, еще не зная, что в год выхода его книги процесс над академиком Лузиным на долгие годы отобьет у советских ученых желание печататься за границей («лузинщина» стала синонимом «раболепия перед иностранной наукой»). Порученная Шангину Кюмоном подготовка каталога греческих алхимических рукописей для *Catalogue des manuscrits alchimiques grecs*, который издавали Ж. Биде и Кюмон⁶⁸, реализована не была. После 1936 г. Шангин за границей не печатался. Нарушение этого неформализованного запрета выдающимся византинистом, членом-корреспондентом АН В. Н. Бенешевичем, у которого в 1937 г. в Гер-

⁶⁰ Шангин М. А. О роли греческих астрологических рукописей в истории знаний // Известия АН. Отдел гуманитарных наук. 1930. № 5. С. 307–317; Гукова С. Н. М. А. Шангин: жизнь и творчество // Рукописное наследие петербургских византинистов / Ред. И. П. Медведев. СПб., 1999. С. 497–520.

⁶¹ Вернадский В. И. Статьи об ученых и их творчестве. М., 1997. С. 273.

⁶² Шангин М. А. (1896–1942) // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. подготовили Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокин. СПб., 2003.

⁶³ Šangin Mstislav A. *Catalogus codicum astrologorum graecorum*. T. 12. Bruxelles, 1936.

⁶⁴ Ср. в высшей степени лестные отзывы Вернадского и Крачковского о работах Шангина: Вернадский. Статьи об ученых... С. 273; Гукова. М. А. Шангин... С. 510.

⁶⁵ Sarton G. Review: *Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum*, v. XII // *Isis*. 1937. Vol. 26. P. 483–484.

⁶⁶ Cramer F. H. Review: *Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum* by F. Cumont; F. Boll; W. Kroll // *Speculum*. 1954. Vol. 29. P. 263. См. также: Гукова. М. А. Шангин... С. 505–506.

⁶⁷ Шангин М. А. (рец.) *Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum* (1898–1935 гг. Bruxelles, t. I–XII) // Архив истории науки и техники. 1935. № 7. С. 485.

⁶⁸ Вернадский. Статьи об ученых... С. 273.

мании вышло давно подготовленное им издание текста VI в., стоило жизни ему самому, двум его сыновьям и брату ⁶⁹.

Издания рукописей не предполагают высказываний мировоззренческого характера, не было их и в каталоге Шангина ⁷⁰. Между тем в предисловии к изданному институтом палеографическому исследованию латинских рукописей, в том числе и античных авторов, которое подготовила крупный медиевист, создатель отечественной школы палеографии Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская (1874–1939), мы нечто подобное находим. Ольга Антоновна была ученицей Гревса, затем училась во Франции, была профессором Высших женских курсов и Петроградского университета. После запрета преподавания исторических курсов в университете (1923) она работала в отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки, а в 1929 г. стала первой женщиной, избранной в Академию наук. Добиаш-Рождественская тесно сотрудничала с ИИНиТом, где работал ее ученик Гуковский, издала хрестоматию латинских средневековых текстов по сельскому хозяйству, аналогичную той, которую подготовила по античности Сергеенко. Ее написанная по-французски палеографическая работа не очень подходила к тематике института, но благодаря поддержке ряда академиков была все же принята к печати. В русском предисловии Ольга Антоновна упоминает о «годах революционной весны» (*les premiers temps de notre révolution* во французском предисловии) ⁷¹. Для более точного понимания этих, несомненно, искренних слов ⁷² следует учитывать, что «в годы революционной весны», а именно в сентябре 1919 г., Ольга Антоновна была вместе с другими профессорами арестована как член партии кадетов (вскоре освобождена), что через десять лет, в апреле 1929 г., ей предъявили обвинение в антисоветской пропаганде по так называемому «делу “Воскресений”», или «делу А. Мейера», за создание кружка медиевистов, в число которых входил и Гуковский ⁷³ (обвинение было снято благодаря влиянию ее мужа, академика Д. С. Рождественского, создателя и руководителя Государственного оптического института в 1918–1932 гг.), что в 1928–1929 гг. она трижды подвергалась обыскам с изъятием документов и писем, после чего стала сжигать после прочтения все письма друзей ⁷⁴, и что немало ее коллег и учеников отправилось тогда же на Соловки.

Вернемся к Платону. Образец типичного для 1920–1930-х гг. отношения к Платону в связи с историей науки демонстрирует уже упоминавшаяся статья Выгодского ⁷⁵. Он доказывает, что у Платона никаких открытий в математике

⁶⁹ Медведев И. П. В. Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Ред. И. П. Медведев. СПб., 1995. С. 339–381.

⁷⁰ О независимой позиции Шангина в конце 1930-х гг. см.: Гукова. М. А. Шангин... С. 512 сл.

⁷¹ *Dobiasch-Rozhdstvenskaia O. A. Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 à 830 reflétée dans les Corbeienses Leninopolitani. Leningrad, 1934 (Travaux de l'Institut de l'histoire de la science et de la technique, série II, fasc. 3). P. 9, 20.*

⁷² См.: Из переписки О. А. Добиаш-Рождественской 1920–1930-х годов / Публ. Б. С. Кагановича // Отечественная история. 1992. № 3. С. 101–117.

⁷³ «Дело А. А. Мейера» / Публ. и прим. И. Флиге и А. Даниэля // Звезда. 2006. № 11. С. 157–194.

⁷⁴ Из переписки О. А. Добиаш-Рождественской... С. 106–107.

⁷⁵ *Выгодский. Платон как математик...*

не было, и это действительно так. Правда, сам Платон и не претендовал на звание математика, таким его сделали платоники и неоплатоники. К началу 1920-х гг. на Западе было уже немало критических работ, в которых эта легенда была развеяна ⁷⁶, о чем Выгодский не считал нужным упомянуть. Зато он утверждает, что Платон не только ничего не достиг в математике, но и сыграл в ней реакционную роль – в силу своего идеализма и мистицизма. Попутно тезисно излагается новый взгляд на развитие греческой математики. Ее «производственными корнями» оказываются торговля, ремесла и мореплавание, а социальной базой – торгово-промышленный класс, который боролся против аристократии. Ионийские математики были эмпириками и прогрессивными материалистами, реакционную же аристократию представляли пифагорейцы, которые, собственно говоря, ничего толком в математике и не достигли. Примеры, которыми Выгодский иллюстрирует желанную связь математики с производством, забавны. Из потребностей мореплавания якобы возникает необходимость создания солнечных часов, гномона, – между тем гномон к мореплаванию отношения не имеет, к тому же греки заимствовали его у вавилонян, которые по морю не плавали ввиду его отсутствия в Вавилоне. Геометрия круга ставится в тесную связь с развитием керамического производства в Атике, как будто гончарный круг требует больше геометрии, чем, скажем, тележное колесо! Завершается статья выходом в актуальные проблемы. Отметим, что Платон – это идеолог класса эксплуататоров, в том числе и современных, Выгодский приводит примеры наших «собственных Платонов», – одним из них оказывается Павел Флоренский, издавший в 1922 г. брошюру «Мнимости в геометрии». На фоне дальнейшей судьбы Флоренского, посаженного в 1933 г. на 10 лет и расстрелянного в лагере в 1937 г., такая концовка приобретает мрачноватый характер. В 1926 г. Выгодский вполне мог сознавать, что бывает в Советской России с идеологами эксплуататорских классов.

Статья Выгодского о Платоне была перепечатана в сборнике Кольмана «На борьбу за материалистическую диалектику в математике» вместе с шестью другими его работами ⁷⁷, включая уже упомянутый доклад о марксистском подходе к истории математики ⁷⁸. В марксизме автор видел целостную материалистиче-

⁷⁶ См.: Жмудь Л. Я. Зарождение истории науки в античности. СПб., 2006. С. 127.

⁷⁷ Одна из них – рецензия Выгодского на новое издание курса В. Гренвиля и Н. Н. Лузина по дифференциальному и интегральному исчислению (первая публикация: *Выгодский М. Я.* (рец.) В. Гренвиля, Н. Лузин. Элементы дифференциального и интегрального исчисления. М., 1930 // *Естествознание и марксизм*. 1930. № 2–3. С. 171–176), в которой он, отдав должное достоинствам курса, упрекает Лузина в антиисторизме и наличии «ярко выраженной идеалистической концепции», «чуждой материализму» (На борьбу за материалистическую диалектику в математике / Ред. Э. Я. Кольман. М. 1931. С. 338). Ср. очень интересные и эмоциональные письма Лузина Выгодскому 1931–1933 гг. (Два письма Н. Н. Лузина М. Я. Выгодскому / Публ. и прим. В. А. Волков, С. С. Демидов // *Историко-математические исследования*. 1997. Вып. 2 (37). С. 133–150), в которых он всячески поддерживает «исторический» подход к преподаванию анализа Выгодского, не поддержанный математиками и педагогами, и письмо Выгодского Лузину 1949 г. с указанием на принципиальные научные расхождения между ними и ссылкой на свою старую рецензию (*Ермолаева Н. С.* Третье письмо Н. Н. Лузина М. Я. Выгодскому и связанные с ним архивные документы // *Историко-математические исследования*. 1999. Вып. 3 (38). С. 95).

⁷⁸ *Выгодский*. Проблемы истории математики...

скую теорию, позволяющую вскрыть *исторические закономерности* развития математики, например, причины расцвета греческой геометрии в эпоху эллинизма, объяснить которые не сумели Кантор, Ханкель, Хит, Цейтен и другие буржуазные авторы. Правда, Выгодский признавал, что марксистского ответа на этот вопрос у него пока нет, ибо для этого нужна коллективная работа множества специалистов по самым различным областям знаний⁷⁹, однако он может наметить пути решения этой проблемы. Состоит оно в том, что господствующая социальная группа александрийской эпохи была оторвана от производства материальных благ, а само это производство чуждо техническому прогрессу – отсюда и сугубая академичность, которая веет на нас со страниц евклидовых «Начал»⁸⁰. Это объяснение, разумеется, смехотворно, не говоря уже о том, что все без исключения теории «Начал» были созданы в VI–IV вв. до н. э., т. е. в доалександрийскую эпоху! На этом фоне даже такие перлы, как сферическая тригонометрия, которая «обслуживала потребности мореплавания»⁸¹, мало что добавляют к портрету историка-материалиста, считавшего, что математика – такая же классовая наука, как и все остальные, пусть даже классовые элементы в ней не столь очевидны, как в других дисциплинах⁸².

Подход Выгодского к греческой математике импонировал не только Кольману, но и Лурье, который очень хвалил его статью о Платоне и многое из нее перенял⁸³. Здесь уместно отметить, что две в принципе различные группы – профессиональные ученые и партийные идеологи – существовали в динамично меняющемся и в силу этого нестабильном социальном пространстве, в котором многое еще не устоялось (как это случилось в 1950–1970-е гг.), в котором жизненные траектории почти всех наших героев, рожденных с разницей в год или в несколько лет, пересекались друг с другом⁸⁴. На рубеже 1920–1930-х гг. Выгодский мог выбирать различные пути, но научный талант и личные качества укрепили его выбор в пользу науки. Дальнейшая его судьба характерна для человека этого поколения. Работа Выгодского в ИИНиТе в области истории греческой математики печатных следов не оставила. В 1934 г. под грифом института вышла его замечательно интересная книга о процессе над Галилеем, опиравшаяся на весь корпус доступных тогда латинских и итальянских источников. На этот раз Выгодский, ограничив классовый анализ ситуации предисловием⁸⁵, вполне убедительно развенчал легендарный образ

⁷⁹ Для сравнения: Томас Литтл Хит (1861–1940), автор лучшей до сих пор истории греческой геометрии (1921), в одиночку перевел всего Евклида, Архимеда, Аполлония из Перги, Аристарха с Самоса и Диофанта, проработав всю жизнь чиновником в английском казначействе.

⁸⁰ *Выгодский*. Проблемы истории математики... С. 147–148.

⁸¹ Там же. С. 148–149.

⁸² Там же. С. 154.

⁸³ *Лурье С. Я.* Обзор русской литературы по истории математики // Архив истории науки и техники. 1934. № 3. С. 291 сл.

⁸⁴ Кольман присматривал за Бухариным на Лондонском конгрессе, Деборин с Кольманом редактировали «Под знаменем марксизма», Выгодский был вице-президентом Московского математического общества при президенте Кольмане, Максимов интриговал против Кольмана и писал против Выгодского, Боричевский полемизировал с Дебориным и Бухариным и т. д.

⁸⁵ «Непримиримая позиция церкви по отношению к учению Коперника вытекала из соотношения классовых сил в эпоху раннего капитализма» (*Выгодский*. Галилей и инквизиция... С. 12–13).

Галилея как борца с религией и церковью, показав, что ученый был добрым католиком, стремившимся сгладить все противоречия между теорией Коперника и церковной доктриной. Одобренная С. И. Вавиловым⁸⁶, книга вызвала бурю негодования у Максимова, который разразился погромной рецензией против пособия классового врага, играющего на руку Ватикану⁸⁷. Результат не заставил себя ждать. Выгодский писал в автобиографии 1963 г.:

При партпроверке 1935 года я был исключен из партии как оторвавшийся от партийной жизни, в своих научных работах протаскивающий чуждые марксизму взгляды. Здесь речь идет о моей книге «Галилей и инквизиция», подвергшейся резким нападкам на страницах журнала «Под знаменем марксизма»⁸⁸.

После этого он выбирал в истории науки более нейтральные темы. Под влиянием Лурье Выгодский обратился к исследованию египетской и вавилонской математики – уже без всякого классового анализа; в 1938 г. он защитил в МГУ докторскую диссертацию «Вавилонская арифметика и алгебра», а в 1941 г. выпустил ее расширенный вариант отдельной книгой⁸⁹. В течение многих лет он писал справочники и учебники по математике и добился здесь замечательных успехов: общий объем этих трудов достигал в 1967 г. семи миллионов экземпляров.

В 1948 г. вышел первый том нового русского перевода «Начал» Евклида, сделанный учителем Выгодского Д. Д. Мордухай-Болтовским при активном участии Марка Яковлевича⁹⁰. В статье о «Началах» для первого выпуска «Историко-математических исследований» Выгодский, ссылаясь на Прокла, указывал, что Евклид был философским последователем Платона, с чем, по его мнению, и связан абстрактный характер «Начал»⁹¹. В 1949 г. в обстановке борьбы с космополитизмом ее активный участник В. Н. Молодший вменил Выгодскому в вину его трактовку, повернув дело так, что всем лучшим «Начала» обязаны греческим математикам и Аристотелю, а всем худшим – Платону, реакционная роль которого была недостаточно вскрыта Выгодским⁹². Заодно он припомнил Выгодскому его статью 1926 г., в которой доказывалась *исключительно* реакционная роль Платона в математике.

⁸⁶ Вавилов С. И. (рец.) Выгодский М. Я. Галилей и инквизиция. М.-Л. 1934 // Социалистическая реконструкция и наука. 1935. № 5. С. 118–119.

⁸⁷ Максимов А. А. (рец.) Выгодский М. Я. Галилей и инквизиция. М.-Л. 1934 // Под знаменем марксизма. 1935. № 1. С. 189–195.

⁸⁸ Этот документ цитируется в книге О. М. Шатуновской, дружившей с Выгодским с гимназических лет и до его смерти: Шатуновская О. Г. Об ушедшем веке. Рассказывает Ольга Шатуновская / Сост. Д. Кутьина, А. Бройдо, А. Кутьин. Ла-Хойя, 2001. С. 367.

⁸⁹ Выгодский. Арифметика и алгебра в Древнем мире... См. рецензию: Лурье С. Я. К вопросу о возникновении алгебраического мышления. По поводу книги М. Я. Выгодского «Арифметика и алгебра в древнем мире». М., 1941 // Успехи математических наук. 1946. Вып. 1. С. 248–257.

⁹⁰ Начала Евклида / Пер. с греч. и комм. Д. Д. Мордухай-Болтовского при ред. участии М. Я. Выгодского и И. Н. Веселовского. М.; Л., 1948. Т. 1.

⁹¹ Выгодский М. Я. «Начала» Евклида // Историко-математические исследования. 1948. Вып. 1. С. 220–221.

⁹² Молодший В. Н. Был ли Евклид последователем Платона? // Историко-математические исследования. 1949. Вып. 2. С. 499–504.

Так убеждения юности бумерангом вернулись к автору, который с ними до конца, видимо, не расстался.

Когда в 1949 г. Выгодского одновременно с Лурье выгнали с работы, они вдвоем взялись за перевод «Интегрального исчисления» Эйлера – Выгодский, уехав из Москвы в Тулу, а Лурье – из Ленинграда в Одессу.

Лурье – фигура еще более сложная и противоречивая, чем Выгодский. Блестящий филолог и историк, он был марксистом и социологизатором, при этом субъективно ставившим научные критерии превыше всего. Так, сотрудничая с директором Института Маркса и Энгельса Д. Б. Рязановым, он по его заданию написал рецензию «Энгельс и античность»⁹³, которая оказалась отрицательной и потому напечатана не была. Если Сергеенко решительно изгонял из своих научных трудов современность вместе с марксизмом, то Лурье так же решительно их вставлял. Вот лишь один пример. В 1933 г. под редакцией А. П. Юшкевича был опубликован перевод математического труда Л. Карно. В предисловии Юшкевич подробно остановился на том, что критика Беркли методов Ньютона сыграла важную роль в истории математики. Но Беркли – махровый идеалист, и Лурье в своей рецензии в «Архиве» парирует:

Приписывать Беркли положительную роль в истории математики – это то же, что считать генерала Юденича одним из создателей советского строя только потому, что его наступление на Ленинград имело результатом консолидацию революционных сил⁹⁴.

Эта более чем двусмысленная политическая параллель (у Лурье была репутация «короля бестактности») не могла быть навязана извне, она отражала взгляды самого автора. Прав был в этом споре, конечно, Юшкевич: роль Беркли в совершенствовании методов исчисления бесконечно малых неоспорима.

На большинстве книг, статей, обзоров, переводов и рецензий Лурье, написанных в годы его работы в институте, стоит явственная печать его философских и идеологических пристрастий⁹⁵. Даже в статье о влиянии египетской геометрии на греческую он обеспокоен тем, чтобы подтвердить «основную тезу исторического материализма» – бытие определяет сознание⁹⁶. Многочисленные пассажи такого рода невозможно объяснить конформизмом. Показательно все же, что в его зарубежных работах ничего подобного нет, а до 1937 г., пока это не стало опасно, он активно печатался за границей и переписывался с множеством европейских ученых, возобновив обе эти практики в 1957 г. Разумеется, для науки не принципиально, начинается ли работа с благодарности государю, цитат из «классиков» или непосредственно с постановки научной проблемы, – существенно то, как эта проблема в итоге решается.

⁹³ На какую работу написана рецензия, установить не удалось.

⁹⁴ Лурье С. Я. (рец.) Лазарь Карно. Размышления о метафизике исчисления бесконечно малых / Пер. Н. М. Соловьева, ред. и вступ. статья А. П. Юшкевича. М.–Л., 1933 // Архив истории науки и техники. 1935. № 6. С. 375.

⁹⁵ К исключениям, пожалуй, можно отнести его статьи «Приближенные вычисления в Древней Греции», «Эйлер и его исчисление нулей» и «Мнимый “порочный круг” у Кавальери».

⁹⁶ Лурье С. Я. К вопросу о египетском влиянии на греческую геометрию // Архив истории науки и техники. 1932. № 1. С. 57.

Выгодский, желая развеять «буржуазную легенду» о Галилее, написал о нем честную и убедительную книжку. Однако идеологические и философские пристрастия Лурье – там, где они проявлялись, – ограничивали его блестящий талант и мешали трезво подойти к делу.

Вот, к примеру, начало его статьи о механике Демокрита:

Многим кажется, что если, вообще говоря, можно с полным правом говорить о буржуазной историографии, о буржуазной политической экономике и социологии и т. д., то перенесение такой оценки на математику или механику было бы непозволительной натяжкой [...] Но с точки зрения исторического материализма естественно ожидать, что классовая точка зрения должна сказываться и в математике, и в механике. Особенно ярко это должно быть заметно для тех эпох, когда математика и механика еще не располагали столь большим количеством бесспорных фактов [...] И действительно, в истории античной науки мы видим борющиеся между собою математические и механические системы, из коих одни имели базой идеологию землевладельческой аристократии, другие – городской демократии⁹⁷.

Это не просто формальные ссылки на авторитеты, это творческое развитие в научной статье тезисов Кольмана и Выгодского 1930–1931 гг. Лурье *всерьез* трактует математику пифагорейцев и Демокрита в терминах классовой борьбы, хотя в V в. до н. э. не было не только классовой борьбы, но и самих классов. Дело, однако, не только в примитивном социологизаторстве. Лурье умалчивает, что Демокрит учился у пифагорейцев и в математике продолжал их исследования иррациональных величин, что он был первым, кто написал книгу о Пифагоре, выражая в ней свое восхищение мудрецом⁹⁸. Не было борьбы двух школ в математике, не было и самой второй школы: тогда как пифагорейская математика хорошо известна, об атомистической античные источники молчат. Лурье объяснял это обстоятельство тем, что «реакционные мракобесы» типа Платона сознательно уничтожили, сожгли все сочинения Демокрита и его последователей⁹⁹. Исходя из подобных, в сущности, нелепых посылок, он взялся реконструировать погибший геометрический атомизм, т. е. учение о том, что линия состоит из множества неделимых далее точек, плоскость – из линий, а тело – из плоскостей. Особую роль на пути этого учения от Демокрита до Эйлера должен был играть Архимед, который, согласно Лурье, все результаты получал с помощью метода неделимых, а при публикации придавал им приемлемую для «официальной» математики форму. Типичный образец двоемыслия, обращенный в прошлое!

Увлечшись Архимедом, Лурье в 1940-х гг. перевел на русский все его сочинения, но этот огромный труд остался в рукописи, ибо и математики, в част-

⁹⁷ Лурье. Механика Демокрита... С. 129.

⁹⁸ Жмудь Л. Я. Пифагор и ранние пифагорейцы. М., 2012. С. 44.

⁹⁹ Здесь он опирался на антиплатоновский анекдот перипатетика Аристоксена, согласно которому Платон намеревался собрать и сжечь все сочинения Демокрита, но пифагорейцы Амикл и Клиний отговорили его от этого (fr. 131 Wehrli). Лурье многократно приводил первую часть этого анекдота, обычно как «хотел сжечь», а порою и как «сжег», но никогда – вторую, ибо пифагорейцы как спасители наследия Демокрита в его схему не укладывались.

ности, А. Н. Колмогоров, и историки математики – Юшкевич, В. П. Зубов, И. Н. Веселовский, Н. И. Идельсон – относились к трактовке Архимеда как подпольного атомиста с большим сомнением. Очень показательна в этом отношении шуточная характеристика Лурье, данная ему Юшкевичем в 1948 г.:

Крупнейший специалист по размножению древнегреческих и древнееврейских цитат, с помощью которых старается доказать свои фантастические гипотезы всем лицам, этих языков не знающим. Общий стиль мышления пралогический. Преклоняется перед Архимедом, но не верит, чтобы этот математик мог самостоятельно просуммировать ряд квадратов. Еще более преклоняется перед Демокритом, что дало злым языкам повод обвинить С. Я. Лурье в *демокретинизации* истории математики ¹⁰⁰.

В трагикомедию всю эту историю обращает тот факт, что геометрический атомизм в Греции существовал, но – увы! – был создан в школе Платона его учеником Ксенократом. Лурье прекрасно знал об этом учении, однако считал его идеалистической переработкой теории Демокрита ¹⁰¹, каковой оно в действительности не было. За рамками истории науки наиболее ценным результатом увлечения Лурье Демокритом стало обширное собрание его фрагментов с переводом и комментарием, изданное коллегами Лурье уже после смерти ученого ¹⁰².

Иначе выглядит картина в той области истории науки, где исследовательские интересы Лурье были меньше подвержены внешнему влиянию. 1920–1930-е гг. – время новых открытий в науке Древнего Востока, особенно в вавилонской математике, возвращенной из небытия усилиями О. Нейгебауера и Ф. Торо-Данжена. Важным событием в изучении египетской математики стало издание В. В. Струве в 1930 г. Московского математического папируса ¹⁰³; его помогал готовить Нейгебауер, приехавший для этого в 1928 г. в Ленинград. Лурье внимательно следил за исследованиями по древневосточной математике, написал о ней несколько статей, обзоров, рецензий и увлек этой темой Выгодского. Оперативно откликнувшись на выход «Лекций по истории античных математических наук» Нейгебауера (1934) развернутой рецензией в «Архиве» ¹⁰⁴, он так же быстро перевел их на русский язык ¹⁰⁵. Высоко оценивая открытия Нейгебауера, он отмечал, что последний «увлекся открыв-

¹⁰⁰ Башмакова И. Г. История и историки математики в стихах и прозе А. П. Юшкевича // ВИЕТ. 1994. № 1. С. 170.

¹⁰¹ Лурье С. Я. (рец.) Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности / Под ред. и с комм. Г. К. Баммеля. М., 1935 // Архив истории науки и техники. 1936. № 8. С. 422.

¹⁰² Лурье С. Я. Демокрит. Л., 1970.

¹⁰³ Struve, W. W. Mathematischer Papyrus des Staatlichen Museums der Schönen Künste in Moskau. Berlin, 1930.

¹⁰⁴ Лурье С. Я. (рец.) О. Neugebauer. Vorlesungen über Geschichte der antiken mathematischen Wissenschaften. Bd. I: Vorgriechische Mathematik. Berlin, 1934 // Архив истории науки и техники. 1935. № 7. С. 473–483.

¹⁰⁵ Нейгебауер О. Лекции по истории античных математических наук. Т. 1. Догреческая математика / Пер. с немецкого с пред. и примеч. С. Я. Лурье. М.; Л., 1937. Рукопись перевода была представлена в издательство уже в июле 1935 г.

шейся перед ним грандиозной картиной развития вавилонской математики и несколько модернизировал ее»¹⁰⁶.

Исследования последних десятилетий существенно изменили предложенную Нейгебауером алгебраическую интерпретацию вавилонской математики, которая господствовала более полувека, и показали, что ее критика Лурье шла в верном направлении, значительно опережая свое время. Согласно выдвинутому им методическому принципу,

мы не вправе говорить о применении алгебраических методов в тех случаях, когда все шаги вавилонского ученого могут быть объяснены арифметическим или геометрическим путем, так как эти пути более примитивны и так как вавилонская терминология [...] с несомненностью доказывает, что, во всяком случае, в какую-то эпоху решение задач мыслилось геометрически¹⁰⁷.

Действительно, как показал Й. Хойруп, древневавилонская «алгебра» была вычислительной техникой, а все «алгебраические» процедуры следует понимать как манипуляции с линиями и площадями¹⁰⁸. О незаурядной проницательности Лурье говорит и то обстоятельство, что вместо алгебраической интерпретации Нейгебауера он не раз предлагал арифметический способ ложного предположения¹⁰⁹, который, как позже выяснилось, действительно широко применялся в вавилонских задачах. К сожалению, возможности опубликовать свои идеи в западных журналах у Лурье в то время уже не было.

В отличие от своих коллег по институту Боричевский производит впечатление человека, расцвет деятельности которого остался в прошлом. После 1926 г. он печатается очень редко, хотя в 1929–1930 гг. выходят его популярные брошюры по античной религии и философии¹¹⁰ и научная статья по логике Эпикура, правда, написанная еще в 1925 г.¹¹¹ В годы работы в институте он также публикует мало: одна статья по физике XVIII в., одна о Демокрите и Эпикуре, остальное рецензии. Его идеи о «философии науки», науковедении и социологии науки, для которых институт был, казалось бы, самым подходящим местом, развития не получили. Скорее всего это связано с тем, что отстаивать и развивать свои неортодоксальные взгляды на науку в начале 1930-х гг. Боричевский уже не мог. Дело в том, что он не просто был противником немарксистской философии, – его «разоблачения идеалистических легенд» о Платоне, Канте и Гегеле, его нападки на историю философии и метафизику имели своей целью опровержение философии как таковой, а не замену ее марксистской философией. Наука не пойдет в Каноссу, утверждал он, она

¹⁰⁶ Лурье. (рец.) О. Neugebauer. Vorlesungen... С. 476.

¹⁰⁷ Лурье. К вопросу о возникновении алгебраического мышления... С. 251–252.

¹⁰⁸ Нойруп, J. Lengths, Widths, Surfaces: A Portrait of Old Babylonian Algebra and its Kin. New York, 2002. см. также: Robson, E. Mathematics in Ancient Iraq: A Social History. Princeton, 2009.

¹⁰⁹ Лурье С. Я. Из истории математики в древности // Вестник древней истории. 1938. № 3. С. 198.

¹¹⁰ Боричевский И. А. Митраизм и христианство. Л., 1929; Боричевский И. А. Краткий очерк истории древнего материализма. Л., 1930.

¹¹¹ Боричевский И. А. Логика Эпикура. Опыт восстановления «Каноники» // Известия ЛГУ. 1930. Т. 2. С. 240–262.

не станет служанкой сверхнаучной философии¹¹², в том числе и философии марксизма. В марксистской мысли он видел два совершенно различных течения: одно, внутринаучное, понимает революционный материализм как «союз точного естествознания с идущим по его стопам революционным общественным знанием», для другого, философского,

революционный материализм есть своего рода философская «система», которая состоит в ближайшем родстве с «классической» немецкой метафизикой и может служить универсальной философской отмычкой для немедленного овладения всеми тайнами бытия и познания; в качестве таковой он хочет быть не столько скромным проводником общенаучной истины, сколько ее безответственным законодателем¹¹³.

С такой оценкой марксистской философии ее представители-«диалектики» согласиться, разумеется, не могли, тем более что Боричевский в докладе 1923 г. прямо выступил против диалектики как противоречащей естествознанию и формальной логике¹¹⁴. Его радикальный сциентизм, получивший прозвание «боричевщина», считался одной из форм позитивизма, хотя он питался также и идеями Маркса и Энгельса. Так, Боричевский полагал, что науке принадлежит будущее, тогда как философия и религия являются частью «идеологии», которая, с точки зрения Маркса и Энгельса, всегда вредна, ибо мешает видеть действительность¹¹⁵. «Наука – это метод», в философии общепризнанный метод отсутствует, и потому она представляет собой разновидность обыденного, донаучного мышления; «развитие научного познания определяется, в последнем счете, его собственной логической (познавательной) ценностью»¹¹⁶. Если добавить к этому представление о том, что «современная чистая математика есть наука о многообразиях чистого мышления [...] совершенно независимая от каких бы то ни было вопросов бытия вообще»¹¹⁷, то станет ясным, почему Боричевский утверждал не автономию науки, а ее «самодержавие». Такие взгляды уже в первой половине 1920-х гг. вызывали резкую критику из разных лагерей¹¹⁸, от которой Боричевский отбивался иногда не без изящества. Поставленный своим оппонентом перед необходимостью выбирать, к чему же принадлежит наука, к базису или к надстройке, и определяется ли она в

¹¹² Боричевский И. А. Введение в философию науки. Пг., 1922. С. 173.

¹¹³ Речь тов. И. А. Боричевского (обсуждение книги Скворцова-Степанова) // Механическое естествознание и диалектический материализм. Вологда, 1925. С. 49.

¹¹⁴ Сам доклад напечатан не был. См. критическое изложение: [Кн]. На идеологическом фронте. К спору о диалектике в Научном обществе марксистов // Под знаменем коммунизма. 1923. № 3. С. 88–90.

¹¹⁵ Боричевский И. А. К вопросу о взаимоотношении науки и идеологии // Красный студент. 1924. № 2. С. 9–13. О принципиальной противопоставленности науки и идеологии писал тогда же видный марксистский философ: Адоратский В. Об идеологии // Под знаменем марксизма. 1922. № 11–12. С. 199–210. См. подробней: Яхот И. Подавление философии в СССР (20–30-е годы). Нью-Йорк, 1981.

¹¹⁶ Боричевский. К вопросу... С. 10–11.

¹¹⁷ Боричевский. Введение в философию науки... С. 25.

¹¹⁸ [Кн]. На идеологическом фронте. К спору о диалектике...; Серебряков М. В. Где зарыта собака «боричевщины» // Красный студент. 1924. № 2. С. 13–15; Минин С. Искажатели марксизма // Под знаменем коммунизма. 1923. № 5–6. С. 63–73.

последнем счете состоянием производительных сил – со всеми вытекающими отсюда последствиями¹¹⁹, он не сразу, но нашел достойный ответ в рамках марксизма: современная наука, преобразующая мир, сама есть производительная сила и потому к надстройке не относится!

Рассматриваемое под социологическим углом зрения, научное познание, с его сложными искусственными орудиями, должно быть признано самую мощную *производительную силу*, находящуюся в распоряжении общественного человека¹²⁰.

Через несколько лет были опубликованы философско-экономические рукописи Маркса, в которых содержалась та же мысль, но и со столь мощным союзником Боричевский был обречен на поражение: право решать, что есть марксизм, а что нет, принадлежало теперь таким людям, как Кольман, Максимов и др. Ко времени создания ИИНиТа были разгромлены и «механисты», и их победители-«диалектики», а сам Боричевский оказался под начальством своего морально раздавленного оппонента Деборина¹²¹. В 1931 г. известный математик и педагог С. А. Богомолов, полагавший, как и большинство его коллег, что «чистая математика есть система логических следствий, выводимых с помощью символов из свободно устанавливаемых предпосылок», вынужден был каяться в своей «аполитичной» трактовке¹²², сохранив таким образом возможность работать. Боричевский не был ни естественником, как большинство «механистов», ни математиком, ни филологом-классиком, отступить ему было некуда, и он вернулся к истокам – к античной науке и к Эпикуру.

Прежде чем мы обратимся к Эпикуру, заметим, что доказательство бессмысленности метафизики, утверждение основополагающей роли науки в современном мире, поиск ясных критериев, отделяющих науку от философии, и разработка на их основе учения о науке были свойственны и Венскому кружку – одному из значительных интеллектуальных течений 1920–1930-х гг., в рамках которого возник и логический позитивизм, и преодолевший его К. Поппер. Венский кружок был тесно связан с социал-демократией, Поппер в юности увлекался марксизмом, а его отношение к Платону и Гегелю было во многом созвучно тому, что мы находим в работах Боричевского, если отвлечься от их революционной агрессивности и пропагандистской легковесности. В этом смысле Боричевский был отнюдь не случайной фигурой; если он так и не смог найти своего места, то, возможно, еще и потому, что не стремился к систематическому развитию своих идей.

Увлечение Эпикуром позволило Боричевскому держаться более трезвых взглядов на Демокрита: в частности, он полагал, что идея бесконечно малых

¹¹⁹ Серебряков. Где зарыта собака «боричевщины»... С. 14.

¹²⁰ Боричевский. Науковедение как точная наука... С. 785.

¹²¹ В свое время Деборин, философ гораздо более сильный и образованный, резко и убедительно возразил на попытку Боричевского развенчать Канта. См.: Боричевский И. А. Идеалистическая легенда о Канте // Вестник Социалистической академии. 1923. № 4. С. 285–308; Деборин А. Легкомысленный критик // Вестник Коммунистической академии. 1924. № 7. С. 255–272.

¹²² На ленинградском математическом фронте / Ред. Л. А. Лейферт, Б. И. Сегал, Л. И. Федоров. Л., 1931.

величин в математике была развита не Демокритом, а Эпикуром, который четко отличал их от физических частиц¹²³. Здесь он расходился с Лурье, но его критические замечания в адрес последнего очень деликатны и их отношениям, судя по всему, не вредили¹²⁴. Вообще, к середине 1930-х гг. пыл Ивана Адамовича заметно остыл. Он по-прежнему оценивал «буржуазных» авторов с точки зрения их отношения к Демокриту и Эпикуру, но критиковал их уже без поношения; историки науки и филологи нередко удостаиваются его похвалы, например, С. Бейли, автор книги «Эпикур и греческие атомисты»¹²⁵. Хотя «школьную философию» он по-прежнему не любил, бывший «фабрикант легенд» стал теперь «старым, добрым Целлером». Работы Боричевского не политизированы; классовая и производственная база античной науки его тоже не интересовала. В статье 1936 г. о Демокрите и Эпикуре нет ссылки на диссертацию Маркса «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». Статьи и рецензии Боричевского полны учености, со множеством греческих цитат, нередко с восстановлением папирусного текста, но все это перекрывается тем, что его отношение к Эпикуру оставалось апологетическим, – не зря он считал себя эпикурейцем¹²⁶.

Боричевский хотел видеть своего героя «общественным борцом, истинным знаменосцем научного материализма», создателем физической теории, которая зижделась на научном опыте и предвосхитила «опытные основы современной физики»¹²⁷, но все это было не более чем проекцией в прошлое близких ему идеалов. Эпикур был не ученым, а философом, его физика, как и вся античная физика, являлась умозрительной; самостоятельных научных исследований, в отличие, например, от Аристотеля, он не вел. Подлинная наука того времени – это не физика, а математика и те области знания, которые были на ней основаны (астрономия, механика, гармоника, оптика), Эпикур же отрицал математику, математическую астрономию и вообще всю *ἐγκύκλιος παιδεία* (тип образования, включавший в себя и математические науки). Более того, он вел яростную борьбу против располагавшейся в Кизике (где он также преподавал) математико-астрономической школы Евдокса, называя своих оппонентов «врагами Греции»¹²⁸. Обращенный им

¹²³ Боричевский И. А. (рец.) F. Enriques, G. Santilla. Storia del pensiero scientifico. Vol. I. Milano – Roma, 1932 // Архив истории науки и техники. 1934. № 5. С. 581; Боричевский И. А. Демокрит и Эпикур в борьбе за основы атомизма // Архив истории науки и техники. 1936. № 8. 128–130.

¹²⁴ Когда в 1938 г. Боричевский собрался, наконец, защищать докторскую диссертацию «Эпикурейская логика. Геркуланские папирусы Эпикура и Филодема», Лурье написал на нее хвалебный отзыв. Этой информацией я обязан М. М. Шахнович, отыскавшей эту диссертацию в рукописном отделе Российской национальной библиотеки. См.: Шахнович М. М. И. А. Боричевский (1892–1941) и его докторская диссертация по эпикурейской логике // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 114–121.

¹²⁵ Боричевский. (рец.) F. Enriques, G. Santilla... С. 579–581.

¹²⁶ Так свидетельствовал его коллега по институту Л. С. Полак: Курсанов. Возвратиться к истокам?.. С. 18.

¹²⁷ Боричевский И. А. Демокрит и Эпикур в борьбе за основы атомизма // Архив истории науки и техники. 1936. № 8. С. 131; Боричевский И. А. (рец.) Chr. Iensen. Ein neuerer Brief Epikurs. Berlin, 1933 // Архив истории науки и техники. 1936. № 8. С. 427.

¹²⁸ Sedley, D. Epicurus and the Mathematicians of Cyzicus // Cronache Ercolanesi. 1976. Vol. 6. P. 23–54.

в эпикуреизм математик Полиэн из Лампсака написал специальный труд об ошибочности всей геометрии¹²⁹. Эпикурейцы, например, Зенон из Сидона, и дальше активно выступали против геометрии, хотя двум из них, Филониду, другу Аполлония из Перги, и Василиду из Тира, удалось, кажется, сочетать эпикуреизм с занятиями математикой. Постулат о том, что чем больше материализма, тем больше науки, подводил Боричевского так же, как он подводил Лурье. Эпикурейская школа не была, конечно, «самозамкнутой» «авторитарной» сектой», против чего справедливо возражал Боричевский, но не была она и «научным коллективом», которым он хотел ее видеть¹³⁰. «Знаменосец научного материализма» верил во всех богов греческого пантеона, хотя они, по его убеждению, и не занимались человеческими делами. Тем не менее он считал необходимым участие в государственных культах и празднествах (чтобы не вступать в противоречие с законами), а внутри своей школы учредил героические культы своих сподвижников и *себя самого*, которые эпикурейцы продолжали отпраздновать и через триста лет, совершая жертвоприношения в дни их рождения, – вопреки тому, что эпикурейская теология отрицала загробную жизнь и существование души вне тела¹³¹. Боги Эпикура не важны в физике, но важны в этике: человек достигает блаженства, подражая им как образцам. Обо всем этом современный эпикуреец предпочитал не упоминать.

После закрытия ИИНиТа в Ленинграде Боричевский писал о Пушкине и декабристах. Он сильно нуждался; в годы террора погибли его жена и брат¹³². Сам он умер в первую блокадную зиму – как и Меликова-Толстая.

Успешней, чем у многих ее коллег по ИИНиТу, оказалась судьба и научная карьера Сергеевко, прожившей долгие 96 лет. Вопреки стойкому нежеланию бежать в ногу со временем и столь же стойким религиозным убеждениям она не подвергалась репрессиям, как Шангин и Добиаш-Рождественская, и не изгонялась с работы, как Выгодский и Лурье. Она выжила в блокадном Ленинграде и перевела в эти годы «Исповедь» Августина, которая в 1975 г. была анонимно напечатана в «Богословских трудах» и признана одним из лучших переводов этого произведения. Ее занятия римскими агрономами, а затем материальной культурой и бытом Древнего Рима породили множество блестящих книг, научных и популярных. Она переводила Феофраста, Тита Ливия, Плиния Младшего, Арриана и Тацита, из церковных авторов – Киприана, Евсевия, Климента Александрийского и Тертуллиана¹³³. В 1980-е гг. мой учитель профессор А. И. Зайцев называл ее самым значительным из здравствовавших тогда филологов-классиков, хотя известными в то время были другие имена. Ее статьи 1930-х гг. интересно читать и тому, кто далек от сельского хозяйства Рима. Поправок на время и место опубликования они не требуют.

¹²⁹ Cicero. *Academica priora* II, 106; *De finibus* I, 20, 71–72; cf. Diogenes Laertius X, 6; Epicurus, fr. 117, 163, 227, 229 Usener.

¹³⁰ *Боричевский И. А.* (рец.) W. Kroll. Metrodorus von Lampsakos. RE 30 (1930) // Архив истории науки и техники. 1936. № 8. С. 361.

¹³¹ Clay, D. The Cults of Epicurus // *Paradosis and Survival*. Ann Arbor, 1998. P. 75–102.

¹³² *Шахнович. И. А.* Боричевский... С. 116.

¹³³ Список ее трудов см.: *Гаврилов, Казанский*. К 100-летию М. Е. Сергеевко... С. 322–328.